С огорода в поля: непростой путь картофеля[1]

Н. И. Шагайда, Д. С. Терновский

Наталья Ивановна Шагайда, доктор экономических наук, директор Центра агропродовольственной политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: nshagaida@mail.ru

Денис Сергеевич Терновский, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра агропродовольственной политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: ternovskiy-ds@ranepa.ru

Аннотация. В статье анализируются структурные сдвиги на рынке картофеля в России за период с 1991 по 2025 год. На основе данных Росстата, сельскохозяйственных переписей и бюджетных обследований домохозяйств исследуются долгосрочные тенденции в динамике цен, потреблении, производстве и экономической доступности картофеля. Показано, что, несмотря на периодические всплески, в долгосрочной перспективе картофель неуклонно дешевеет в реальном выражении, одновременно теряя свою значимость в потребительской корзине на фоне роста доходов населения. Ключевое внимание уделяется глубокой трансформации структуры производства: происходит стремительный переход от доминирования хозяйств населения, доля в производстве которых сократилась с 90% в 1990-х годах до 50% в 2022 году, к коммерческому сектору (сельхозорганизациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам). Этот сдвиг обусловлен снижением экономической целесообразности производства в хозяйствах населения и значительным отставанием в урожайности по сравнению с крупными предприятиями, внедряющими современные технологии. Авторы предупреждают о рисках для продовольственной безопасности, связанных с тем, что сокращение производства в хозяйствах населения опережает рост в коммерческом секторе, что может вести к усилению волатильности цен. В заключении предлагаются меры государственной поддержки, направленные на стимулирование кооперации, облегчение доступа к земле и повышение эффективности производства для обеспечения стабильности рынка картофеля.

Ключевые слова: картофель, хозяйства населения, потребление продовольствия, продовольственная безопасность, цены на продовольствие, волатильность цен, экономическая доступность, покупательная способность

EDN: PDSUBX

Картофель традиционно занимает важное место в рационе населения России. Историческая значимость продукта отразилась в том, что его называют «вторым хлебом». Современная значимость — если

1. Статья подготовлена в рамках Государственного задания РАНХиГС в 2025 году.

ее оценивать в экономических категориях — существенно скромнее: сегодня в расходах семей он занимает лишь доли процента. Тем не менее последние два года тема роста цен на картофель на слуху. Очевидно, что происходят какие-то структурные сдвиги, которые отражаются не только в номинальных ценах, вызывающих волнение потребителей. В статье рассматривается временной период с 1991 года, в начале которого картофель стоил 13 копеек за килограмм, ели его 112 килограмм в год на каждого и производили на всех 34,3 млн тонн в год. Правда, реализация в рознице составляла всего 28,9 кг на человека. Остальное — 83,1 кг пищевого картофеля — потреблялось из выращенного в хозяйствах населения. Хозяйства населения не просто были основными производителями картофеля, они формировали 74% продовольственного рынка картофеля.

На выявление этих сдвигов — в производстве, в потреблении, в кошельке потребителя, в его отношении к картофелю — направлена настоящая статья. В работе анализируются следующие аспекты:

— динамика цен на картофель, в т.ч. — в сравнении с общим уровнем инфляции и ценами на другие продукты питания;

— изменение экономической доступности картофеля;

— изменение посевных площадей и урожайность в хозяйствах населения;

— экономическая целесообразность производства картофеля в хозяйствах граждан.

Тема рынка картофеля достаточно широко представлена в экономической литературе. Однако ее рассмотрение, как правило, ограничивается экономико-технологическими аспектами выращивания картофеля (Жевора и др., 2019; Симаков и др., 2022; Жевора и др., 2023), глобальными тенденциями производства, торговли и потребления (Девяткина, 2018; Агирбов и др., 2020; Тульчеев и др., 2021), вопросами мониторинга и регулирования внутреннего рынка (Шагайда, 2018; Терновский, Шагайда, 2021). Кроме того, динамика цен на картофель в контексте анализа цен на продовольственные товары рассматривалась в работах (Узун, Шишкина, 2022; Шагайда, Терновский, 2023). Вместе с тем рассмотрение производства и потребления картофеля в долгосрочном периоде как результата взаимосвязанной трансформации аграрного сектора и потребительской экономики в полной мере не отражено в известных нам исследованиях.

Проведенный в работе анализ основан на данных Росстата, материалах Всероссийских сельскохозяйственных переписей и бюджетных обследований домохозяйств.

Результаты исследования позволяют говорить о долгосрочном тренде, к которому придется приспосабливаться в первую очередь покупателям, а также государству, чтобы не допускать скачков цен.

Работа вносит вклад в дискуссию о причинах роста цен на картофель.

Если смотреть на темпы изменения розничной цены на картофель в 2025 г., то видно резкое удорожание продукта: в мае 2025 г. он подорожал почти вдвое относительно мая 2024 г. Однако если взглянуть на ценовую траекторию с 1991 по 2024 год в реальном выражении, становится очевидным факт: несмотря на периодические всплески, картофель неуклонно дешевеет (рис. 1). Это полностью укладывается в логику мирового развития: высокотехнологичные ресурсы должны повышать производительность труда, выпуск продукции, удешевляя стоимость единицы продукта. В пересчете на постоянные цены декабря 2024 года килограмм картофеля, стоивший в начале 1990-х около 60 рублей, к середине 2020-х подешевел почти вдвое.

Рис. 1. Розничные цены на картофель в России в 1991–2024 гг., декабрь каждого года, в ценах декабря 2024 г.
Источник: построено по данным Росстата

При этом последние 10 лет его реальная цена меняется слабо: в ценах 2014 г. она колеблется вокруг 25 руб./кг (рис. 2).

Тенденция «картофельных» цен не является изолированной. Цены на картофель достаточно точно повторяют общую динамику продовольственного рынка, особенно по отношению к другим продуктам российской потребительской корзины, производимых в хозяйствах населения. Однако первые постсоветские годы стали исключением: в 1991–1993 годах, когда общие цены на продукты взлетели в 237 раз, картофель подорожал «всего лишь» в 106 раз[2]. Это отставание объясняется особенностями его производства — в отличие от многих других товаров, картофель в основном выращивался в личных подсобных хозяйствах, что делало его менее зависимым от рыночных шоков. После этого можно наблюдать стабилизацию цен относительно друг друга — в 2000 г. по отношению

2. Рассчитано по: Российская Федерация в цифрах в 1993 году (1994): крат. стат. сборник / Госкомстат России. М.: Респ. инф.-изд. центр.

к 1993 г. номинальные цены как на картофель, так и на продовольствие в целом выросли в 23–24 раза.

Рис. 2. Динамика реальной и номинальной цены на картофель в России в 2014–2025 гг.
Источник: построено по данным Росстата за соответствующие годы

Периодические ценовые пики, такие как в 2010, 2017, 2021, 2022 и 2024 годах, напоминают о том, что картофель остается чувствительным к размеру урожая (рис. 3). Неурожайные годы вызывают резкий рост цен, иногда на 50% и более. После всплеска цен номинальная цена возвращается в сложившийся коридор цен — около 25 руб. за кг.

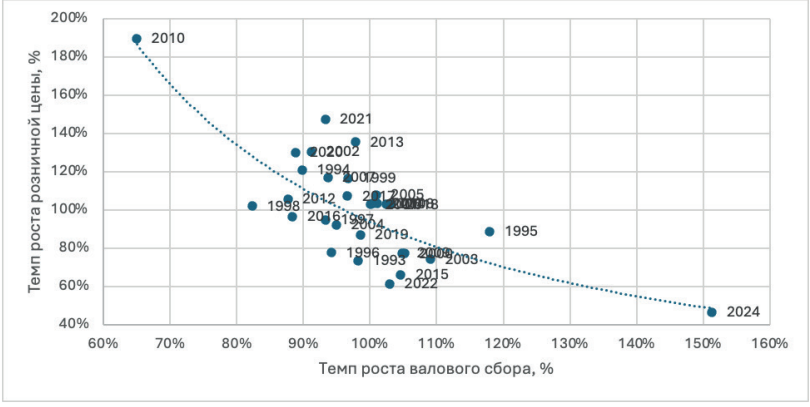

Рис. 3. Зависимость динамики розничных цен на картофель и валового сбора в России в 1992–2023 гг.
Источник: построено по данным Росстата

Дефляция картофеля на длительном горизонте коррелирует с динамикой многих других продуктов питания. При этом фактическое потребление самих продуктов меняется по-разному.

Изменение в потреблении

Картофель — единственный продукт, потребление которого на фоне роста доходов в последние два десятилетия заметно сократилось. Остальные группы продуктов, если значительно не выросли, то сократились незначительно (например, хлебопродукты) (рис. 4).

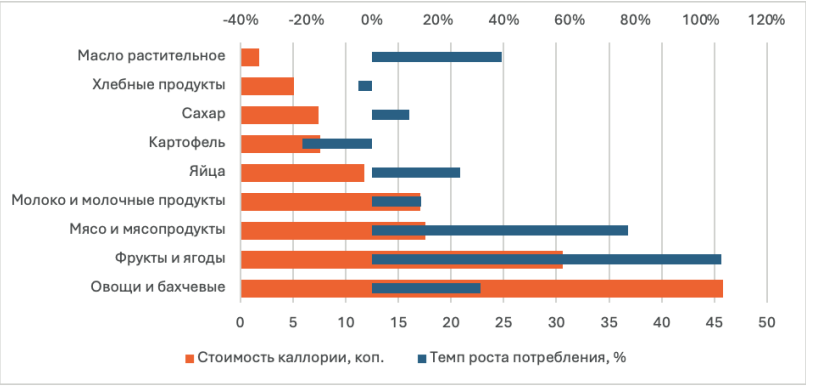

Рис. 4. Динамика среднедушевого потребления продуктов питания (по продовольственным балансам) в 2000–2023 гг. и стоимость 1 калории в 2023 г.
Источник: построено по данным Росстата

Потребление картофеля 10 лет назад соответствовало рациональной норме, а в 2023 г. составило уже 96% от рациональной нормы. При этом экономических причин не видно: стоимость калории картофеля — одна из самых дешевых среди основных групп продовольствия.

Тем не менее его потребление сокращалось быстрее, чем других дешевых продуктов, исключая растительное масло, потребление которого незначительно, но выросло. Здесь проявилась характерная особенность картофеля как товара низшей категории — с повышением благосостояния люди стали заменять его более дорогими продуктами.

Доступность картофеля: есть нюансы

В долгосрочной ретроспективе картофель становился доступнее, но этот процесс происходил неравномерно, отражая сложные экономические процессы в стране (рис. 5). В 1990-е годы, несмотря на катастрофическое падение реальных доходов населения, доступность картофеля оставалась стабильной. Парадоксальным образом этому способствовало само ухудшение уровня жизни населения — реальные цены на картофель снижались даже быстрее, чем зарплаты, поскольку спрос на этот базовый продукт оставался неэластичным. В те годы картофель действительно стал «вторым хлебом», занимая значительную долю в потребительской корзине.

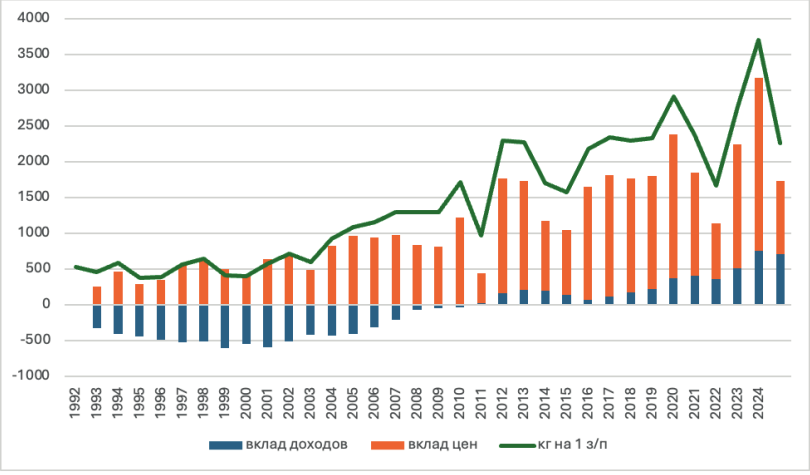

Рис. 5. Доступность картофеля (количество кг на среднюю заработную плату) в России в 1991–2024 гг., декабрь каждого года
Источник: построено по данным Росстата

В 2025 г. произошел резкий рост цен, что существенно снизило его доступность для населения: если в январе-марте 2024 г. на среднедушевые доходы можно было купить почти 1718 кг картофеля, то в январе-марте 2025 г. только 964 кг. Доля расходов на картофель в расходах семей выросла почти в два раза (табл. 1). На фоне значительно меньшего подорожания других продуктов это вызвало широкую общественную дискуссию, волну разного рода предложений о способах ограничения такого роста цен[3].

3. Картофельный союз предложил ритейлерам договориться с производителями о заморозке закупочных цен на картофель. https://retailer.ru/

Таблица 1. Изменение покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения по отдельным продуктам питания в России в 2024–2025 гг.

	2024	2025	2025 г. к 2024 г., %	Вклад в структуру потребительских расходов населения, %	
	январь-март	январь-март		2024	2025
Картофель	1 717,7	964,4	-43,9	0,294	0,418
Лук репчатый	1 356,0	1 137,9	-16,1	0,097	0,139
Масло сливочное	58,5	50,4	-13,8	0,734	0,853
Капуста белокочанная свежая	1 272,1	1 198,1	-5,8	0,133	0,154
Сельдь соленая	180,5	170,7	-5,4	0,122	0,127
Рыба замороженная	194,2	187,9	-3,2	0,392	0,413
Молоко питьевое	605,2	588,3	-2,8	0,663	1,019
Сметана	180,3	176,5	-2,1	0,448	0,474
Баранина	76,5	75,6	-1,2	0,139	0,145
Свёкла столовая	1 239,0	1 226,4	-1,0	0,037	0,056
Яблоки	402,3	400,4	-0,5	0,670	0,706
Сыры	66,0	66,3	0,5	0,951	0,986
Кисломолочные продукты	510,3	518,5	1,6	0,428	0,437
Хлеб из ржаной муки	667,3	682,5	2,3	0,390	0,395
Масло подсолнечное	401,5	410,7	2,3	0,335	0,331
Цитрусовые	327,3	335,5	2,5	0,381	0,413
Горох и фасоль	582,3	602,4	3,5	0,036	0,039
Хлеб и булочные изделия из пшеничной муки	561,3	581,5	3,6	0,716	0,732

Источник: построено по данным Росстата

Как показывает прошлая динамика цен, такие всплески временны, однако в последние годы они встречаются чаще, волатильность в сравнении с серединой 2010-х годов выросла. В чем причина? Если есть зависимость между поведением цен и производством, то нужно понять, не был ли всплеск 2025 г. связан с производством.

Производство: а какое оно?

Вопрос об объемах производства довольно сложный: подавляющая часть картофеля производится на плохо статистически наблюдаемых участках граждан. Существуют, безусловно, методики выбо-

kartofelnyj-sojuz-predlozhil-ritejleram-dogovoritsja-s-proizvoditeljami-o-zamorozke-zakupochnyh-cen-na-kartofel

рочного наблюдения Росстата, результаты которого затем переносятся на всю массу каким-то образом учтенных участков граждан. Однако проблема в том, что здесь слишком много неизвестных. Это предопределяет уже стандартные действия Росстата после каждой сельскохозяйственной переписи — оценки производства по годам ретроспективно корректируются в сторону понижения. Когда картофеля производится много больше потребности, то завышение объемов производства между переписями не страшно, но когда идет сокращение объемов производства, то неверные расчеты используемой площади могут создать неверную картину наличия картофеля. То есть всплеск цен может быть из-за банального недостатка производства, которого никто не видит!

Предугадать масштабы сокращения используемых участков в личных подсобных хозяйствах (далее — ЛПХ), где традиционно картофель занимал основное место, трудно. Это однолетняя культура, ее площадь резко может быть сокращена в любой год из-за многих факторов, как социально-экономических (старения населения, отъезда работоспособных из села, роста доходов), так и производственных (проблемы с покупкой здоровых и урожайных семян, с наймом тракториста для обработки участка и т.д.). В ходе последней всероссийской сельскохозяйственной микропереписи 2021 года было выявлено, что доля неиспользуемых площадей на участках граждан в сельской местности на момент переписи составила 3,2 из 9,7 млн га, которые у них были. В 2016 году, когда в ходе переписи обследовались все участки граждан (в сельской и городской местности), неиспользуемых было всего 1,5 млн га из 13,1 млн га. Когда идет сокращение площадей, как имеющейся в хозяйствах граждан земли, так и используемой, возможно серьезное искажение расчетных данных об урожае по стране.

Российское картофелеводство переживает глубокую структурную трансформацию, которая коренным образом меняет ландшафт отрасли. На протяжении всего постсоветского периода хозяйства населения оставались главными поставщиками картофеля на российский рынок. В середине 1990-х годов на их долю приходилось более 90% всего производимого в стране картофеля. Однако сегодня эта картина стремительно меняется, еще в 2022 году доля ЛПХ сократилась до 50%, и процесс перераспределения продолжается (рис. 6).

Официальная статистика долгое время недооценивала масштабы этого спада. Только после сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 годов стало ясно, насколько значительно сократились реальные объемы производства в ЛПХ. Корректировки данных показали, что тенденция к снижению началась гораздо раньше, чем предполагалось, и носит более глубокий характер. Данная тенденция ведет (что наблюдалось по итогам переписей 2006 и 2016 гг.) не только к сдвигу размеров урожая вниз, но и к смене знака основной тенденции объемов производства (рис. 7).

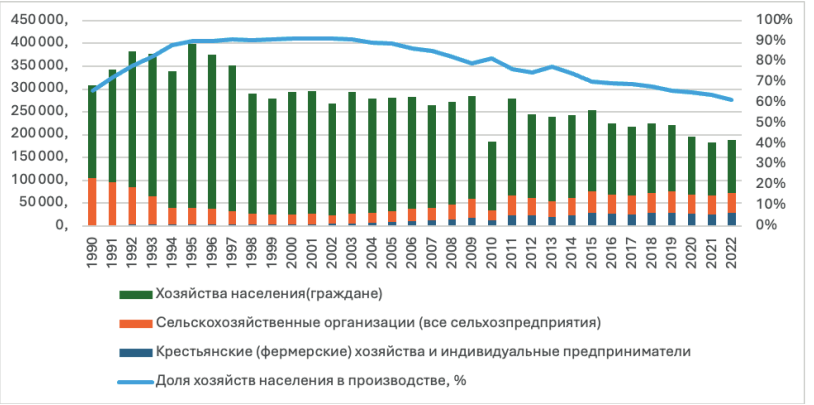

Рис. 6. Структура производства картофеля в России в 1990–2022 гг. по категориям хозяйств
Источник: построено по данным Росстата

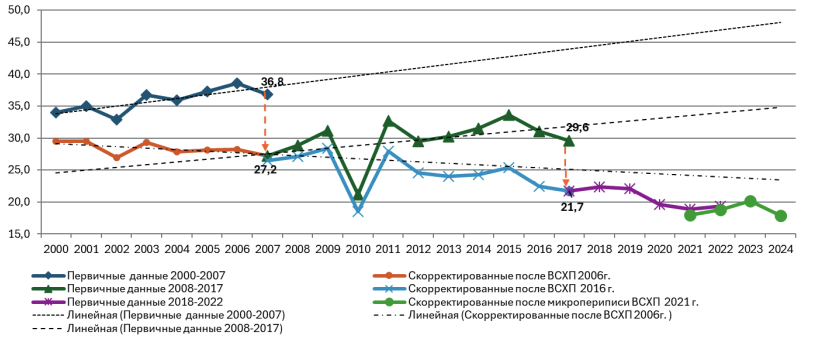

Рис. 7. Результаты корректировок объемов производства картофеля в России после сельскохозяйственных переписей в 2000–2024 гг.
Источник: построено по данным Росстата

После 2021 г. опять статистика отчитывается о некотором росте производства с 2021 г., но, очевидно, как показывает прошлый опыт, этот рост может быть пересмотрен после переписи, которая должна была бы быть в 2026 г. Таким образом, всплеск цен в 2025 г. мог быть вызван неверно оцененным урожаем в сезоне 2024–2025 в хозяйствах населения.

Почему происходит трансформация: переход картофеля с участка граждан в поля?

Структурный сдвиг в производстве картофеля по категориям хозяйств особенно интересен, если рассматривать его в динамике. В 1990-е годы, когда крупные сельхозпредприятия переживали кризис, именно хозяйства населения стали своеобразным буфером, обеспечивающим продовольственную безопасность страны и семей. Личные подсобные хозяйства, часто использующие ручной труд и традиционные технологии, тем не менее демонстрировали удивительную устойчивость. Более того, в тот период они даже превосходили крупные хозяйства по урожайности — в 1990–1999 годах хозяйства населения собирали в среднем 109 центнеров с гектара против 95 центнеров в сельхозорганизациях.

Однако с начала 2000-х годов начался постепенный, но необратимый рост урожайности в сельхозорганизациях за счет внедрения современных технологий. К 2017–2022 годам урожайность достигла 259 центнеров с гектара. В то же время хозяйства населения, несмотря на некоторый прогресс (до 145 ц/га), стали заметно отставать. Этот разрыв в эффективности был бы ключевым фактором перераспределения долей на рынке, если бы дело не касалось хозяйств граждан. Граждане далеко не всегда смотрели на то, что происходит в крупных хозяйствах, какая там урожайность. Граждане смотрели на свои возможности: насколько выгодно производить, чтобы продать, а если не продать, то накормить свою семью с меньшими денежными затратами. Свой труд не считали, если не было возможности заработать в другом месте. Видимо, сейчас эта ситуация меняется.

Если смотреть на объем производства как результат взаимодействия факторов посевных площадей и урожайности, то можно заметить, что основной причиной снижения урожая картофеля за последние десятилетия выступает сокращение посевных площадей в хозяйствах населения. При этом динамика урожайности положительно влияет на объемы производства для всех категорий хозяйств (табл. 2).

Приведенные данные показывают значительные изменения в структуре и характеристиках производства картофеля. Если в 1990-х годах для хозяйств населения была характерна относительно высокая урожайность, превышающая как показатели сельхозорганизаций, так и фермерских хозяйств, то ко второй половине 2010-х эта ситуация резко изменилась. Кроме того, как для хозяйств населения, так и для сельхозорганизаций рост урожайности сопровождался сокращением посевных площадей, что ставит вопрос: наблюдаемый рост являлся следствием повышения технологического уровня производства, или его смещения на более урожайные территории? Использование системы индексов структурных сдвигов показывает, что основной вклад в прирост урожайности карто-

феля во всех категориях хозяйств вносят именно агротехнологии, в то время как вклад структуры площадей — отрицателен.

Таблица 2. Производство, посевные площади и урожайность картофеля в России в 1990–2022 гг. по категориям хозяйств

Категории	Сельскохозяйственные организации	КФХ и ИП	Хозяйства населения	Хозяйства всех категорий
Среднее за 1990–1999 гг.				
Урожай, тыс. ц	29 125	2786	289 541	344 601
Урожайность, ц/га	95	79	109	106
Площадь, га	305	35	2655	3245
Среднее за 2017–2022 гг.				
Урожай, тыс. ц	42 777	27 484	134 610	204 870
Урожайность, ц/га	259	208	145	167
Площадь, га	165	132	930	1228
Прирост среднегодовых урожаев, тыс. ц				
Всего, в т.ч. под влиянием	13 651	24 698	-154 931	-139 731
урожайности	35 457	10 431	57 252	121 457
площади	-21 806	14 267	-212 183	-261 188
Темп прироста урожайности, %				
Всего, в т.ч. под влиянием	171,9%	164,3%	32,7%	52,9%
урожайности в отдельных регионах	178,0%	174,2%	34,1%	53,8%
региональной структуры площадей	-2,2%	-3,6%	-1,1%	-0,6%

Источник: построено по данным Росстата

Наиболее заметное изменение — стремительное сокращение посевных площадей в хозяйствах населения — с 2,6 млн га в 1990-х до менее чем 1 млн га в последние годы. Это сокращение невозможно объяснить только экономическими факторами. Здесь вступают в действие социальные и демографические процессы: старение сельского населения, отток молодежи в города, изменение обра-

за жизни и реальных доходов населения. Производство картофеля, которое раньше было необходимостью для формирования набора питания семьи, теперь все чаще воспринимается как обременительная повинность.

Региональная картина этого процесса также заслуживает внимания. В 1990-е годы существовал огромный разрыв между регионами по урожайности в ЛПХ — от 60 до 160 центнеров с гектара. К 2020-м годам этот разрыв значительно сократился, причем не за счет роста отстающих регионов, а скорее из-за снижения показателей разрыва в урожайности в традиционных «картофельных» областях. Это свидетельствует о том, что профессиональное картофелеводство постепенно концентрируется в оптимальных для этого регионах, в то время как повсеместное любительское выращивание картофеля уходит в прошлое.

Для хозяйств населения мы наблюдаем тенденцию к выравниванию урожайности (рис. 8) — наибольшие темпы роста фиксируются в регионах с низкой урожайностью в 1990-е годы. И наоборот — в регионах с самой высокой урожайностью в 1990-е, к концу 2010-х произошло ее снижение.

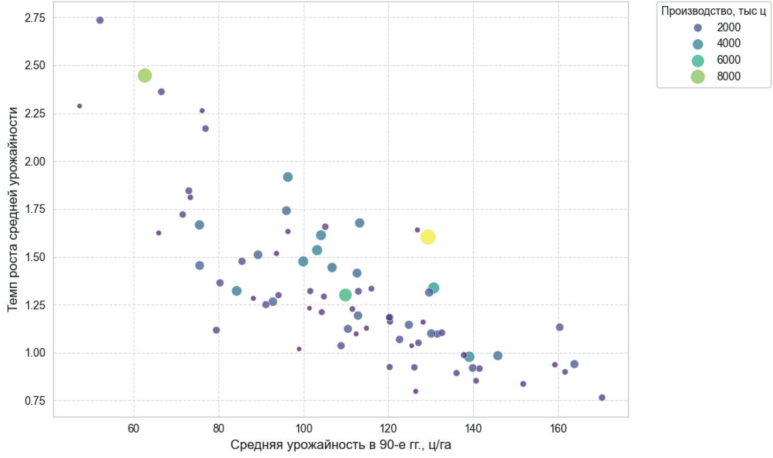

Рис. 8. Сходимость урожайности картофеля в хозяйствах населения во времени (2017–2022 гг. к 1990–1999 гг.)

Такая трансформация ставит перед отраслью серьезные вызовы. С одной стороны, рост эффективности в профессиональном секторе — безусловно, положительное явление. С другой — исчезновение традиционного уклада создает риски для продовольственной безопасности. В домохозяйствах оптимизируют соотношение физических затрат, времени и экономию от того, что они едят свой, а не покупной картофель, и сокращают производство. Это плохо

видно по данным текущей статистики, и неожиданно выявляется в виде недостатка картофеля в стране. Возникают вопросы: сможет ли коммерческий сектор полностью заменить уходящие хозяйства населения, и какие последствия это будет иметь для ценовой доступности картофеля? Ответы на них во многом определяют будущее российского картофелеводства в ближайшие десятилетия. Остроты проблеме добавляет то, что картофелеводство, как и современное овощеводство, капиталоёмко, специализированных хозяйств, целью которых является повышение эффективности производства этих видов продукции, довольно мало (в 2016 г. — 3,4% от числа всех сельхозорганизаций). Новые игроки могут появиться только при отдельных стимулах. Высокие цены весны 2025 г. выступают таким стимулом. И действительно, площади под картофелем в 2025 г. немного, но выросли[4], прервав динамику многолетнего снижения (рис. 9). Вероятно, что весной 2025 г. все, кто мог, посадили картофель. Однако останутся ли они в этом бизнесе всерьез и надолго, сохранят ли без специализированных хранилищ урожай до весны — не ясно.

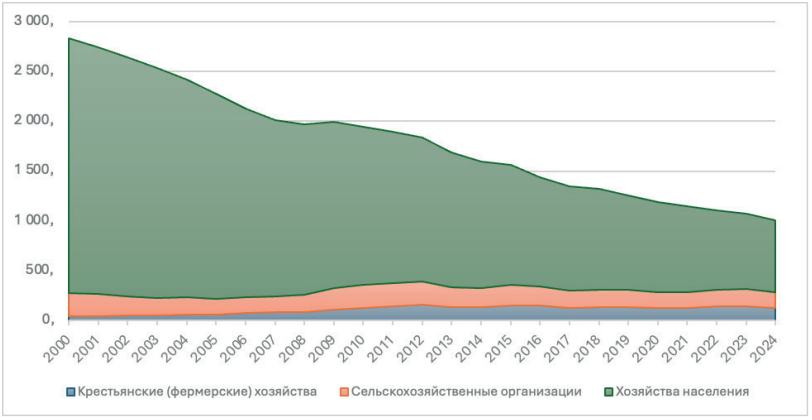

Рис. 9. Посевные площади под картофелем в России в 2000–2024 гг., тыс. га

Экономическая целесообразность: почему картофель больше не кормилец

Традиционный образ русского огорода с обязательными рядами картофельных грядок стремительно уходит в прошлое. За этим культурным сдвигом стоит экономический расчет, выращивание картофеля в личных хозяйствах теряет всякий практический смысл.

4. *Агапов В.* Россиянам пообещали увеличить урожай картофеля. https://lenta.ru/news/2025/06/03/rossiyanam-poobeschali-uvelichit-urozhay-kartofelya/

Еще в середине 1990-х среднестатистическому россиянину требовалось отработать 45 часов, чтобы заработать на годовой запас картофеля. Сегодня для этого достаточно всего 4–7 часов труда — в десять раз меньше.

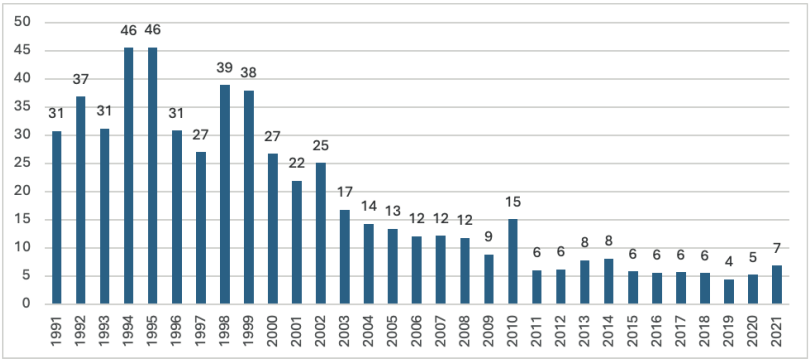

Рис. 10. Количество часов рабочего времени, которое необходимо отработать при средней заработной плате по экономике, для того чтобы приобрести годовой запас потребляемого картофеля в России в 1991–2021 гг.
Источник: построено по данным Росстата

Этот поразительный прогресс, однако, имеет оборотную сторону. Когда покупка картофеля требует столь незначительных затрат, его самостоятельное выращивание превращается в экономически неоправданную роскошь. Если учесть рыночную стоимость рабочего времени, затраты на семена, удобрения и обработку, домашний картофель обходится дороже магазинного. Особенно наглядно это проявляется в пригородных зонах, где альтернативная стоимость земли и труда особенно высока. В сентябре 2025 г. мешок картофеля в 25 кг стоил в московских магазинах менее 500 руб. Это после того, как в мае этого же года кг картофель в среднем по стране — по данным Росстата — стоил 94,8 руб./кг.

В крупных сельхозпредприятиях применение инноваций и экономия на масштабе позволяют относительно дешево производить продукцию. А вот для личных хозяйств современные технологии часто оказываются недоступны, ручной труд по-прежнему остается основным ресурсом. В результате разрыв в эффективности только растет: если в 1990-х урожайность в ЛПХ превышала показатели сельхозорганизаций, то сегодня она отстает почти вдвое.

Меняется мотивация для производства картофеля. Раньше картофель выращивали «для себя» из соображений продовольственной безопасности. В условиях дефицита продовольствия и низких денежных доходов это было разумной стратегией. Разумной будет стратегия продолжения выращивания картофеля, если сейчас получаешь низкую заработную плату или пенсию. Молодое поколе-

ние сельских жителей все чаще предпочитает покупать картофель, а освободившееся время использовать для более доходных занятий или других целей.

Парадоксально, что и система потребительской кооперации, благодаря которой люди в селе могли бы заработать, сдавая излишки картофеля, система, которая была создана для того, чтобы они заработали, сама способствовала лишению стимулов производства картофеля. В первые пореформенные годы, когда из сельского хозяйства массово высвобождались люди, потребительская кооперация не смогла предложить конкурентных цен за продукцию. Позднее ее магазины тихо и незаметно для правительства превратились в «Пятерочки», где картофель не принимали на продажу, а продавали.

Заключение: что дальше?

Анализ российского картофельного рынка последних трех десятилетий рисует картину глубокой трансформации, выходящей за рамки простых экономических закономерностей. Картофель, некогда бывший символом продовольственной стабильности и основой народного рациона, постепенно утрачивает свои традиционные позиции, и этот процесс носит системный характер.

Главный парадокс, известный в экономической теории и подтвержденный в ходе анализа, заключается в том, что картофель, становясь все более доступным, одновременно теряет свою значимость в потребительской корзине. Социальные и культурные факторы могут перевешивать чисто экономическую логику, что замедляет процесс перераспределения производства из хозяйств населения в коммерческие организации и КФХ. Рост благосостояния населения неожиданным образом для людей, но ожидаемо для экономистов, превратил некогда незаменимый продукт в «аутсайдера» продовольственного рынка. Продукт дешевый, но его потребление ниже рекомендуемой нормы потребления. Его ели раньше много еще и потому, что много выращивали в хозяйствах населения. Зачем идти в магазин, покупать что-то другое, если погреб ломится от запасов? Сейчас намного меньше есть в погребе, люди идут в магазин и среди разнообразия покупают другие продукты. Отчасти и оттого, что с готовыми продуктами питания, полуфабрикатами, крупами, макаронными изделиями меньше времени тратится на приготовление еды. Судя по тенденциям в потреблении, если производитель не заинтересует каким-то массовым продуктом из картофеля, если ничего драматического не произойдет с доходами населения, то спрос на картофель не увеличится.

Хозяйства населения, долгое время остававшиеся оплотом картофелеводства, стремительно сворачивают производство, не находя в нем ни экономического смысла, ни социальной необходимости. Этот процесс идет значительно быстрее, чем развитие коммерческо-

го сектора, способного заполнить образующийся вакуум. Не видно массового перетока из других видов деятельности в производство картофеля в сельскохозяйственных организациях. Фермерские хозяйства тоже не увеличивают площади посадки.

Россия, исторически считавшаяся «картофельной державой», может столкнуться с устойчиво высокими ценами на продукт. Картофель — социально значимый продукт. При росте цен на него на 10% за 60 дней у государства есть возможность установить предельные цены на него. Этого нужно избегать: ограничение цены — ущерб для производителей, как и ограничение его доступа к современным ресурсам, в первую очередь — семенам. Ограничение цены остановит импорт, что еще более негативно скажется на предложении картофеля.

Очевидно, что государству нужно сделать картофельное производство, как и производство овощей, приоритетным, предусмотрев особую систему государственной поддержки. Цель: вывести производство и хранение в фермерских хозяйствах и организациях на уровень мировых технологий и производительности для удовлетворения внутренних потребностей.

Учитывая разные группы сельхозпроизводителей, очевидно, нужны свои стратегии. В отношении хозяйств населения вряд ли целесообразно дожидаться, когда там само собой прекратится производство. Здесь нужны возможности, которыми могут воспользоваться активные люди, переводя архаичные технологии производства на более современные. Перспективно выглядит тиражирование Должанского опыта объединения владельцев ЛПХ[5] вокруг опорного фермера. Здесь опорный фермер должен иметь возможность получить субсидии приоритетной отрасли (для приобретения техники, организации современных хранилищ), если имеет долгосрочные контракты на обработку участков граждан для производства картофеля и овощей. Аналогичная программа может быть целесообразна для фермеров, которые имеют долгосрочные контракты на обработку мелких фермерских участков. Субсидия для строительства домашнего хранилища картофеля должна быть доступна владельцу участка, согласному зарегистрироваться самозанятым и производить для реализации не менее установленного объема картофеля и овощей. Аналогичная программа может быть для фермера или объединения фермеров. Здесь могут возразить, что в России реализуется программа поддержки кооперации, что можно и там пользоваться субсидиями и иными способами поддержки. Однако следует сказать, что уже многократно выявлялись проблемы такой кооперации: издержки организации и функционирования кооператива как организации не компенсируется выгодами от такой кооперации. Поддерживать нужно не организацию (кооператив), а кооперацию как усилия по повышению доходов мелких сельхозпроизводителей.

5. Опыт Должанской кооперации — https://vinodelrf.ru/news/vinograd-eto-spasenie-ot-bednosti-kubanskiy-fermer-o-derevne-xxi-veka

Нужны меры для доступа к неиспользуемой земле. Сейчас неиспользуемая земля есть, а получить ее для использования — долго и трудно. Нужна простая процедура получения неиспользуемого участка: обращение заинтересованного лица в местную администрацию, которая инициирует процесс (проверка, акт о неиспользовании). Если собственник не известен, не отвечает на обращения, не соглашается передать в аренду по рыночной цене, то распоряжаться таким участком в интересах собственника может местная администрация. Она может передать его в аренду, аккумулировать полученную арендную плату для собственника участка на определенном счете, удерживая плату за свои услуги. Действующая в настоящее время процедура вовлечения в оборот неиспользуемых земель настолько затратна и несовершенна, что затрудняет получение участка в аренду даже тогда, когда есть заинтересованное в производстве на нем лицо. Местная администрация должна иметь стимулы заниматься этим, но самый близкий уровень власти к земле не имеет таких стимулов. Значит, нужно эти стимулы создавать.

Для сельхозорганизаций — производителей овощей и картофеля — должны быть доступны субсидии для любых целей, которые нужны производителю для наращивания производства и реализации картофеля и овощей без излишней бюрократической процедуры. Здесь неизбежна дальнейшая специализация и концентрация производства в наиболее эффективных хозяйствах.

Очевидно, что производство картофеля и овощей долгое время удовлетворяло внутренние потребности страны и почти ничего не стоило государству: граждане сами производили картофель для себя и продажи. При этом российский картофель был абсолютно конкурентным продуктом по сравнению с импортным. Сейчас ситуация меняется, экономические стимулы такого производства исчезают. Единственная возможность роста в этих типах хозяйств — повышение эффективности производства, применение инноваций. Сохранение производства в хозяйствах населения очень важно. Но для этого оно должно перестать быть архаичным, превратиться в семейный мини, но бизнес. Число таких семей со временем будет сокращаться, какие-то хозяйства увеличатся и перейдут в фермерство, увеличивая производство. И последнее — в условиях, когда производство картофеля сокращается, важно не закрывать рынок для импортного продукта для поддержания конкуренции.

Картофельный парадокс России — это частный случай глобальных изменений в продовольственных системах. Он наглядно показывает, как технологический прогресс, рост доходов и изменение образа жизни трансформируют, а порой и полностью перечеркивают многовековые сельскохозяйственные традиции. Понимание этих процессов важно не только для аграрной политики, но и для осмысления более широких социально-экономических трансформаций современного российского общества.

Библиография

Агирбов Ю. И., Мухаметзянов Р. Р., Бритик Э. В. (2020). Россия в мировом производстве и рынке картофеля и плодоовощной продукции // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 9. С. 74–83.

Анисимов Б. В., Жевора С. В., Митюшкин А. В., Симаков Е. А., Журавлев А. А., Зебрин С. Н. (2022). Картофелеводство России: состояние и перспективы в новых условиях // Картофель и овощи. № 4. С. 3–6.

Девяткина Л. Н. (2018). Производство картофеля: глобальные и национальные дискурсы // Вестник НГИЭИ. № 5 (84). С. 122–134.

Жевора С. В., Анисимов Б. В., Симаков Е. А., Овэс Е. В., Зебрин С. Н. (2019). Картофель: проблемы и перспективы // Картофель и овощи. № 7. С. 2–7.

Жевора С. В., Симаков Е. А., Анисимов Б. В., Митюшкин А. В., Журавлев А. А., Зебрин С. Н. (2023). Селекция и семеноводство картофеля: научное обеспечение и бизнес-проекты // Картофель и овощи. № 4. С. 6–10.

Терновский Д. С., Шагайда Н. И. (2021). Цена на картофель: факторы роста и способы снижения // Экономическое развитие России. Т. 28. № 11. С. 56–61.

Тульчеев В. В., Жевора С. В., Овэс Е. В., Гордиенко Н. Н. (2021). Рынок картофеля в России и мире // АПК: экономика, управление. № 9. С. 73–81.

Узун В. Я., Шишкина Е. А. (2022). Борщовая безопасность // АПК: экономика, управление. № 8. С. 22–30.

Шагайда Н. И. (2018). Грозит ли России картофельный дефицит? // Экономическое развитие России. Т. 25. № 3. С. 55–63.

Шагайда Н. И., Терновский Д. С. (2023). Волатильность цен на продовольственные товары в 2021–2022 гг. в контексте продовольственной безопасности // Вопросы экономики. № 9. С. 29–46.

From garden to fields: The difficult path of the potato

Natalia I. Shagaida, DSc (Economics), Head of the Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: nshagaida@mail.ru

Denis S. Ternovsky, DSc (Economics), Senior Researcher, Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: ternovskiy-ds@ranepa.ru

Abstract. The article considers the structural shifts in the Russian potato market from 1991 to 2025. Based on the Rosstat data, agricultural censuses and household budget surveys, the authors identify long-term trends in the potato price dynamics, consumption, production and economic affordability. Thus, despite periodic price jumps, in the long run the potato has steadily become cheaper in real terms, while simultaneously losing significance in the consumer basket under the rising population income. The authors focus on the deep transformation of the production structure — a rapid shift in dominance from households (their share in production fell from 90% in the 1990s to 50% in 2022) to the commercial sector (agricultural enterprises and (peasant) farms). This shift is determined by the declining economic viability of household production compared to large enterprises implementing new technologies. The authors warn of risks to food security associated with the decline in household production outpacing growth in the commercial sector, which potentially leads to increased price volatility, and propose government support measures aimed at stimulating cooperation, facilitating access to land, and increasing production efficiency to ensure a stable potato market.

Key words: potato, households, food consumption, agricultural production, food security, food prices, price volatility, economic affordability, purchasing power

References

Agirbov Yu.I., Mukhametzyanov R. R., Britik E. V. (2020) Rossiya v mirovom proizvodstve i rynke kartofelya i plodoovoshchnoy produktsii [Russia in the global production and market of potato, fruits and vegetables]. *Ekonomika Selskokhozyaystvennyh i Pererabatyvayushchih Predpriyatiy*, no 9, pp. 74–83.

Anisimov B. V., Zhegora S. V., Mityushkin A. V., Simakov E. A., Zhuravlev A. A., Zebrin S. N. (2022) Kartofelevodstvo Rossii: sostoyanie i perspektivy v novyh usloviyah [Potato growing in Russia: State and prospects in new conditions]. *Kartofel i Ovoshchi*, no 4, pp. 3–6.

Devyatkina L. N. (2018) Proizvodstvo kartofelya: globalnye i natsionalnye diskursy [Potato production: Global and national discourses]. *Vestnik NGIEI,* no 5, pp. 122–134.

Zhegora S. V., Anisimov B. V., Simakov E. A., Oves E. V., Zebrin S. N. (2019) Kartofel: problemy i perspektivy [Potato: Challenges and prospects]. *Kartofel i Ovoshchi,* no 7, pp. 2–7.

Zhegora S. V., Simakov E. A., Anisimov B. V., Mityushkin A. V., Zhuravlev A. A., Zebrin S. N. (2023) Selektsiya i semenovodstvo kartofelya: nauchnoe obespechenie i biznes-proekty [Potato breeding and seed production: Scientific support and business projects]. *Kartofel i Ovoshchi,* no 4, pp. 6–10.

Ternovsky D. S., Shagaida N. I. (2021) Tsena na kartofel: faktory rosta i sposoby snizheniya [Potato price: Growth factors and ways to reduce it]. *Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*, vol. 28, no 11, pp. 56–61.

Tulcheev V. V., Zhegora S. V., Oves E. V., Gordienko N. N. (2021) Rynok kartofelya v Rossii i mire [Potato market in Russia and the world]. *APK: Ekonomika, Upravlenie,* no 9, pp. 73–81.

Uzun V.Ya., Shishkina E. A. (2022) Borshchevaya bezopasnost [Borscht security]. *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 8, pp. 22–30.

Shagaida N. I. (2018) Grozit li Rossii kartofelny defitsit? [Is Russia facing a potato shortage?]. *Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*, vol. 25, no 3, pp. 55–63.

Shagaida N. I., Ternovsky D. S. (2023) Volatilnost tsen na prodovolstvennye tovary v 2021–2022 gg. v kontekste prodovolstvennoy bezopasnosti [Food price volatility in 2021–2022 in the context of food security]. *Voprosy Ekonomiki*, no 9, pp. 29–46.